

Бронислав Малиновский

Секс
и вытеснение
в обществе
дикарей

СЕРИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ
КУЛЬТУРЫ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Исследования культуры

Бронислав Малиновский

**Секс и вытеснение
в обществе дикарей**

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

1927

Малиновский Б.

Секс и вытеснение в обществе дикарей / Б. Малиновский — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 1927 — (Исследования культуры)

Бронислав Малиновский (1884–1942) – известнейший британский антрополог польского происхождения. Его перу принадлежит ряд увлекательных книг о верованиях и обычаях туземцев Новой Гвинеи и Тробрианских островов. Предлагаемая вниманию читателя работа – не только очередное захватывающее исследование, описывающее сокровенные стороны жизни удивительных обитателей Океании, но и документ эпохи. Малиновский одним из первых стал применять принципы психоанализа в других областях науки, хотя использовал он эти принципы далеко не безоговорочно. Книга, написанная при жизни Фрейда, представляет собой яркую и убедительную полемику с идеями основателя психоанализа и его последователей. Споря с психоанализом, ученый подробно разбирает проблему Эдипова комплекса на богатом материале из жизни матрилинейного общества, а затем постепенно расширяет круг интересов антропологии, осваивая «промежуточную область между наукой о человеке и наукой о животных». Книга будет интересна не только специалистам в области антропологии и психоанализа, но и самому широкому кругу читателей.

© Малиновский Б., 1927

© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 1927

Содержание

Предисловие	5
I. Формирование комплекса	8
1. Постановка проблемы	8
2. Семья при отцовском праве и материнском праве	11
3. Первый этап семейной драмы	15
4. Отцовство при материнском праве	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Бронислав Малиновский

Секс и вытеснение в обществе дикарей

МОЕМУ ДРУГУ
ПАУЛЮ КУНЕРУ
*Новая Гвинея, 1914,
Австралия, 1918,
Южный Тироль, 1922*

Предисловие

Психоанализ за последние десять лет приобрел невероятную популярность. Он оказывает все большее влияние на современную литературу, науку и искусство. Одно время это было буквально повальное увлечение. И многих глупцов это впечатлило, а многих педантов шокировало и отпугнуло. Автор настоящего труда, несомненно, относится к первым, поскольку в свое время был совершенно очарован теориями Фрейда и Риверса, Юнга и Джонса. Но педантизм всегда останется главной страстью ученого, и последующая рефлексия вскоре охладила первоначальный пыл.

Внимательный читатель может проследить этот процесс во всех его нюансах по этой небольшой книге. Однако я не хочу создать впечатление драматического *volte-face*¹. Я никогда и ни в каком смысле не был приверженцем практики или теории психоанализа; и все-таки, несмотря на чрезмерность притязаний, хаотичность аргументации и нечеткость терминологии психоанализа, я должен признать, что он послужил для меня незаменимым источником вдохновения и ценных указаний относительно определенных аспектов человеческой психологии.

Психоанализ погрузил нас в динамическую теорию сознания, придал практический характер изучению психических процессов, заставил сосредоточиться на детской психологии и истории отдельного человека. Наконец, он выявил скрытые, непризнанные стороны человеческой жизни.

Открытое обсуждение секса, различных постыдных, скверных и тщеславных человеческих проявлений – то, за что психоанализ более всего осуждают и бранят, – на мой взгляд, имеет наибольшую ценность для науки и должно быть с благодарностью принято исследователем человека в том случае, если он хочет изучать свой предмет свободно, без всяких помех и фиговых листков. Как ученик и последователь Хэвлока Эллиса я, например, не стал бы обвинять Фрейда в «пансексуализме» – хотя и в корне не согласен с его пониманием сексуального импульса. Но я и не намерен соглашаться с его взглядами против своей воли, с ханжеским благочестием отмыв руки от грязи, которой они покрыты. Человек – это животное; в этом качестве он бывает временами нечист, и честный антрополог не может отрицать этот факт. Претензия ученого к психоанализу заключается не в том, что психоанализ рассуждает о сексуальности в открытую и во всех подробностях, но в том, что рассуждает он о ней неверно.

Что касается непростой истории настоящего издания, первые две части были написаны намного раньше остальных. Многие изложенные там идеи были сформулированы, когда я изучал жизнь меланезийских общин на коралловом архипелаге. Замечания моего друга профессора Ч. Г. Селигмана и литература, которой он меня любезно снабдил, побудили меня задуматься о том, каким образом в обществе, основанном на материнском праве, могли появиться Эдипов комплекс и другие проявления «бессознательного». Непосредственные наблюдения

¹ Резкая перемена (фр.). – Примеч. пер.

над устройством матрилинейного комплекса у меланезийцев, насколько мне известно, являются первым случаем применения теории психоанализа к изучению примитивной жизни и как таковые могут представлять интерес для исследователей человека, его сознания и культуры. Мои выводы изложены в терминах более психоаналитических, чем мне бы того хотелось. Но даже и при этом я обхожусь в основном такими словами, как «комплекс» и «вытеснение», и использую их в совершенно определенном и эмпирическом смысле.

Продолжая читать работы Фрейда, я обнаружил, что все менее и менее склонен безоговорочно принимать его выводы, не говоря уж о тех выводах, к которым приходят каждый отдельный вид и подвид психоанализа. Как антрополог я совершенно убежден в том, что амбициозные теории, касающиеся диких племен, гипотезы возникновения человеческих институтов и истории культуры, должны основываться на достоверном знании примитивной жизни, а также сознательных и бессознательных аспектов человеческого разума. В конце концов, групповой брак, тотемизм, избегание тещи или свекрови, а также магия происходят отнюдь не в «бессознательном»; все они – неопровержимые социологические и культурные факты, и для их теоретического обобщения требуется такой опыт, который нельзя приобрести в кабинете психоаналитика. В том, что мои опасения оправданны, я убедился, внимательно изучив «Тотем и табу», «Психологию масс и анализ человеческого "Я"» Фрейда, «Австралийский тотемизм» Рохейма и антропологические работы Рейка, Ранка и Джонса. Мои выводы обосновываются в третьей части этой книги.

В последней части книги я попытался изложить свои вытекающие из эмпирических наблюдений представления о происхождении культуры. Я в общих чертах описываю изменения, которые должна была претерпеть животная природа людей под воздействием аномальных условий культуры. Прежде всего я стремлюсь показать, что вытеснение сексуального инстинкта и определенного рода «комплекс» должны были появиться как своеобразный психический побочный продукт создания культуры.

Последняя часть книги – об инстинкте и культуре, является, на мой взгляд, наиболее важной и в то же время наиболее спорной. Это первая в своем роде работа, по крайней мере, с антропологической точки зрения: попытка освоения «ничейной территории» – промежуточной области между наукой о человеке и наукой о животных. Конечно, большинство моих аргументов нужно будет пересмотреть, но я полагаю, что благодаря им были поставлены важные вопросы, которые рано или поздно должны быть проанализированы биологами, зоопсихологами, а также исследователями культуры.

Что касается зоопсихологии и биологии, тут мне пришлось ограничиться самым общим кругом чтения. Я опирался в основном на работы Дарвина и Хэвлока Эллиса; профессоров Ллойда Моргана, Херрика и Торндайка; д-ра Хипа, д-ра Келера и г-на Пайкрофта, а также на сведения, которые можно найти в социологических книгах Вестермарка, Хобхауса, Эспинаса и др. Я не даю подробных ссылок в этой работе и хотел бы здесь подчеркнуть, сколь многим обязан работам профессора Ллойда Моргана, чья концепция инстинкта представляется мне наиболее адекватной и чьи наблюдения я нашел наиболее полезными. Я слишком поздно обнаружил, что вкладываю несколько иной смысл в термины *инстинкт* и *привычка*, нежели профессор Ллойд Морган, и что то же касается и наших с ним представлений о *пластичности инстинктов*. Я не думаю, что это предполагает серьезное расхождение мнений. Я также полагаю, что культура открывает новое измерение пластичности инстинктов и что зоопсихологу будет полезно познакомиться с вкладом антрополога в эту проблему.

Я выражаю признательность за вдохновение и помощь в подготовке книги моим друзьям г-же Бренде З. Селигман (Оксфорд); д-ру Р. Х. Лоуи и профессору Креберу из Калифорнийского университета; г-ну Ферту (Новая Зеландия); д-ру В. А. Уайту (Вашингтон) и д-ру Г. С. Салливану (Балтимор); профессору Херрику из Чикагского университета и д-ру Гинзбергу из Лондонской школы экономики; д-ру Дж. В. Гамильтону и д-ру С. Е. Джеллиффу (Нью-Йорк);

д-ру Э. Миллеру (клиника Харли-стрит); г-ну и г-же Хайме де Ангуло (Беркли, Калифорния) и г-ну Ч. К. Огдену (Кембридж); профессору Радклифф-Брауну (Кейптаун и Сидней) и г-ну Лоренсу К. Франку (Нью-Йорк). Полевые исследования, которые легли в основу этой книги, стали возможны благодаря щедрости г-на Роберта Монда.

Компетентная критика моего друга Пауля Кунера из Вены, которому посвящена эта книга, позволила мне яснее сформулировать мои идеи по данному предмету и по многим другим.

Б. М.

Кафедра антропологии

Лондонской школы экономики, февраль 1927 г.

После долгого пренебрежения импульсами в пользу ощущений современная психология начинает инвентаризацию и описание инстинктивных видов деятельности. Это, бесспорно, положительное явление. Но когда она пытается объяснить сложные события в личной и общественной жизни путем прямой отсылки к этим природным силам, объяснение становится туманным и надуманным...

Прежде чем говорить о психологическом элементе в обществе, нужно понять, какие именно социальные условия преобразовали первоначальную деятельность в четко выраженные и значимые обычаи. В этом состоит подлинное значение социальной психологии... Человеческая природа поставляет сырье, но обычай определяет структуру и устройство... Человек привержен привычке, а не разуму или инстинкту.

Психоаналитическое понимание секса наиболее поучительно, потому что оно со всей очевидностью демонстрирует нам, к чему приводит искусственное упрощение социальных следствий и преобразование их в психические причины. Писатели, обычно мужчины, рассуждают о психологии женщин так, словно имеют дело с платоновской универсальной сущностью... Явления, представляющие собой типичные признаки современной западной цивилизации, они трактуют так, как если бы те с неизбежностью вытекали из неизменных естественных импульсов человеческой природы...

ДЖОН ДЬЮИ

«Человеческая природа и поведение»

I. Формирование комплекса

1. Постановка проблемы

Психоанализ зародился в медицинской практике, и его теории имеют главным образом психологическую природу, но он также тесно связан с двумя другими отраслями знания – биологией и социологией. Возможно, одна из главных заслуг психоанализа – образование еще одной связи между этими тремя разделами науки о человеке. Психологические взгляды Фрейда – его теории конфликта, вытеснения, бессознательного, формирования комплексов – образуют наиболее разработанную, собственно психоаналитическую, часть его учения. Биологическая доктрина – представления о сексуальности в ее соотношении с другими инстинктами, концепт «либидо» и различных его трансформаций – является наименее разработанным и наиболее противоречивым разделом теории, чаще всего подвергающимся критике, отчасти необоснованной, отчасти справедливой. Социологический аспект, интересующий нас прежде всего, заслуживает большего внимания. Любопытно, что, хотя социология и антропология послужили основным источником фактического материала для психоанализа и хотя учение об Эдиповом комплексе имеет, очевидно, социологический аспект, этот аспект получил наименьшее развитие.

Теория психоанализа – это, в сущности, теория влияния семейной жизни на психику человека. Нам показывают, как сильные эмоции, стрессы и конфликты ребенка с отцом, матерью, братом и сестрой формируют по отношению к ним определенные устойчивые психические установки, или сентименты, которые, отчасти сохраняясь в памяти, отчасти в бессознательном, влияют на дальнейшую жизнь человека в обществе. Я употребляю здесь слово *сентимент* в том особом значении, которое сообщает ему теория эмоций и инстинктов А. Ф. Шанда со всеми подразумеваемыми ею важными смысловыми оттенками.

Социологическая природа этого учения очевидна: вся фрейдистская драма разыгрывается в пределах социальной организации определенного типа, в узком кругу семьи, состоящей из отца, матери и детей. Таким образом, *семейный комплекс*, – по мнению Фрейда, важнейший психологический факт, – обусловлен воздействием определенной социальной группировки на человеческое сознание. Опять же, психический отпечаток, возникший в ранние годы, оказывает влияние на дальнейшую социальную жизнь человека в том смысле, что предрасполагает его к образованию определенных связей, формирует рецептивные установки и творческий потенциал в области традиции, искусства, знания и религии.

Итак, на взгляд социолога, к психологической трактовке комплекса необходимо добавить две социологические главы: введение, где бы описывалась социологическая природа влияния семьи, и эпилог, в котором содержится анализ значения комплекса для общества. Отсюда для социолога вытекают две проблемы.

Первая проблема. Если семейная жизнь имеет столь судьбоносное значение для человеческой психики, ее характер заслуживает большего внимания, поскольку ясно, что в каждом общественном строе – своя *семья*. Ее устройство значительно варьируется в зависимости от уровня развития и характера цивилизации, и она по-разному выглядит в различных стратах одного и того же общества.

Согласно теориям, до сих пор не утратившим своей актуальности среди антропологов, семья чрезвычайно изменилась в ходе развития человечества: от первой промискуитетной формы, основанной на сексуальном и экономическом коммунизме, через «групповую семью», основанную на «групповом браке», «кровнородственную семью», основанную на «пуналуаль-

ном браке», *Grossfamilie*² и клановое родство к итоговой форме – современной индивидуальной семье, основанной на моногамном браке и *patria potestas*³. Помимо таких антропологических построений, в которых нехватка фактов сочетается с избытком теории, мы располагаем непосредственными наблюдениями за жизнью современных диких племен, также свидетельствующими о множестве вариантов устройства семьи. Различия зависят от того, каким образом распределяется *власть*: будучи в той или иной степени закрепленной за отцом, она порождает различные формы патриархата; будучи закрепленной за матерью – различные подвиды материнского права. Значительно различаются способы счета происхождения и наследования – матрилинейность вследствие незнания отца и патрилинейность, несмотря на это незнание; патрилинейность, вследствие обладания властью и патрилинейность по экономическим причинам. Кроме того, устройство семьи среди различных рас и народов зависит от особенностей расселения, жилищных условий, источников пищи, разделения труда и т. д.

Следовательно, возникает проблема: меняются ли вместе с устройством семьи конфликты, страсти и привязанности или они одни и те же для всего человечества? Если они меняются, как это в действительности и происходит, то нуклеарный семейный комплекс также не может быть константой для всех человеческих рас и народов; он должен варьироваться в зависимости от устройства семьи. Главная задача теории психоанализа, таким образом, заключается в изучении пределов варьирования, разработке адекватной формулы и, наконец, в исследовании исключительных видов устройства семьи и определении соответствующих форм нуклеарного комплекса.

Пожалуй, за одним только исключением⁴, эта проблема прежде не ставилась – во всяком случае, в отчетливом виде. Единственный комплекс, признающийся школой Фрейда и считающийся ее представителями универсальным – я имею в виду Эдипов комплекс – соответствует по преимуществу нашей патрилинейной арийской семье с сильной *patria potestas*, за которой стоят римское право, христианская мораль и современные экономические условия жизни зажиточной буржуазии. Тем не менее предполагается, что этот комплекс существует в каждом примитивном или варварском обществе. Конечно, это не так, и детальное рассмотрение первой проблемы покажет нам, насколько это допущение неверно.

Вторая проблема. Какова природа влияния семейного комплекса на формирование мифа, предания и сказки, на определенные дикарские и варварские обычаи, виды социальной организации и достижения материальной культуры? Существование этой проблемы, безусловно, признано авторами-психоаналитиками, применяющими принципы психоанализа к изучению мифа, религии и культуры. Но теория о влиянии семьи на культуру и общество посредством семейного комплекса не была проработана должным образом. Большая часть представлений, имеющих отношение ко второй проблеме, требует тщательного пересмотра с социологической точки зрения. С другой стороны, конкретные решения актуальных мифологических проблем, предложенные Фрейдом, Ранком и Джонсом, намного убедительнее, чем их общий принцип, что «миф – это извечный сон расы».

Психоанализ, подчеркивая, что интерес примитивного человека сосредоточен на нем самом и людях вокруг него и имеет конкретную и динамическую природу, стал правильным основанием для психологии примитивного общества, в которой до этого часто господствовали ложные представления о бесстрастном отношении человека к природе и склонности к философским размышлениям о своем уделе. Но игнорирование первой проблемы и молчаливое

² Большая семья (*нем.*) – состоящая из трех и более поколений. – *Примеч. пер.*

³ Отцовская власть (*лат.*). – *Примеч. пер.*

⁴ Я говорю о работе Дж. К. Флюгеля «Психоаналитическое исследование семьи» (*Flügel J. C. The Psycho-Analytic Study of the Family*), которая хотя и написана психологом, во всех отношениях ориентирована в социологическом направлении. В последних главах, особенно в XV и XVII, представлен, в сущности, подход к решению настоящей проблемы, хотя автор и не формулирует ее явным образом.

допущение, что Эдипов комплекс существует во всех типах общества, привели к тому, что в антропологические работы психоаналитиков закрались определенные ошибки. Таким образом, они не могут получить правильные результаты, когда пытаются проследить Эдипов комплекс, преимущественно патриархальный по своему характеру, в матрилинейном обществе; или легкомысленно выдвигают гипотезы группового брака или промискуитета, как если бы не требовалась особая осторожность при разговоре об условиях, совершенно отличных от условий нашей семьи, какой она предстает в практике психоанализа. Усугубляя эти противоречия, психоаналитик, занимающийся антропологией, выдвигает гипотетическое предположение об определенном типе первобытной орды или о доисторическом прообразе тотемического жертвоприношения или о сновидческом характере мифа, обычно совершенно несовместимое с фундаментальными принципами самого психоанализа.

Первая часть настоящей работы представляет собой, в сущности, попытку на основании результатов непосредственного наблюдения за жизнью диких племен проанализировать первую проблему – зависимость нуклеарного комплекса от устройства семьи. Рассмотрение второй проблемы будет предпринято во второй части, а в последних двух частях те же вопросы обсуждаются в целом.

2. Семья при отцовском праве и материнском праве

Лучший способ рассмотреть первую проблему – как устройство семьи в том или ином обществе влияет на особенности «семейного комплекса» – подойти к вопросу эмпирически, проследить формирование комплекса в жизни типичной семьи и в случае, если речь идет о различных цивилизациях, провести сравнительный анализ. Я не предлагаю здесь исследовать все формы семьи, но намерен сравнить подробно два типа, известные мне по личным наблюдениям: патрилинейную семью в современной цивилизации и матрилинейную семью некоторых островных сообществ в Северо-Западной Меланезии. Однако эти два случая представляют собой, пожалуй, наиболее радикально различающиеся типы семьи среди всех известных социологам и тем самым вполне отвечают нашей цели.

Опишем в нескольких словах жителей Тробрианских островов Северо-Восточной Новой Гвинеи (или Северо-Западной Меланезии), чья культура, наряду с нашей собственной, будет предметом нашего анализа.

Эти туземцы матрилинейны, т. е. их общественный строй предполагает счет родства только по матери, и счет происхождения и наследования ведется по женской линии. Это значит, что мальчик или девочка принадлежат к семье, клану и общине матери: мальчик наследует титулы и социальное положение брата матери, и имущество переходит к ребенку не от отца, а от дяди по матери или тети по матери соответственно.

Все мужчины и женщины на Тробрианских островах со временем обзаводятся семьей – после периода детских сексуальных игр, сменяющегося ничем не стесняемой свободой в юности и затем более постоянной совместной жизнью влюбленных в «холостяцком доме», который они делят с двумя или тремя другими парами. Брак – обычно моногамный, за исключением вождей, имеющих по несколько жен, – это стабильный союз, подразумевающий сексуальную исключительность, совместное экономическое существование и независимое домашнее хозяйство.

На первый, поверхностный взгляд может показаться, что это в точности такой же брак, какой принят у нас. Однако в действительности он совершенно иной. Во-первых, муж не считается отцом детей в обычном для нас смысле; согласно представлениям туземцев, которым неведома идея физического отцовства, он не имеет никакого отношения к их рождению с физиологической точки зрения. Дети, по туземным поверьям, это крошечные духи, помещаемые в лоно матери, как правило, через посредство духа ее покойной кровной родственницы⁵. Муж должен защищать детей и заботиться о них, «принять их в свои объятия», когда они рождаются, но они – не «его» дети в том смысле, что он участвовал в их зачатии.

Таким образом, отец – это любимый, доброжелательный друг, но не признанный официально кровный родственник детей. Он – посторонний человек, пользующийся авторитетом благодаря личным отношениям с ребенком, а не социальному положению в роду. Кровное родство, т. е. тождество материи, «та же плоть», связывает ребенка только с матерью. Власть над детьми принадлежит брату матери. Согласно строгому табу, запрещающему любые дружеские отношения между братьями и сестрами, он не может быть близок с матерью и, следовательно, с ее семейством. Она признает его власть и склоняется перед ним, как простой человек склоняется перед вождем, но между ними не может быть нежных отношений. Ее дети при этом – его единственные наследники и потомки, и он обладает над ними непосредственной властью. После его смерти его собственность переходит к ним, и в течение своей жизни он должен пере-

⁵ См. мои работы: «Отец в примитивной психологии» (The Father in Primitive Psychology // *Psyche Miniatures*. 1927) и «Балома – духи мертвых» (Малиновский Б. Балома: духи мертвых на Тробрианских островах // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004).

дать им все особые умения, которыми владеет, – танцы, песни, мифы, магию и ремесла. Он также кормит сестру и ее семью, большая часть того, что выращивается в его саду, идет им. Итак, от отца дети ждут только любящей заботы и нежной дружбы. Брат их матери олицетворяет собой принцип дисциплины, авторитета и исполнительной власти в семье⁶.

Жена относится к мужу отнюдь не подобострастно. У нее есть свое имущество и своя собственная сфера влияния, частная и общественная. Дети никогда не видят, чтобы отец грубо обращался с матерью. В то же время отец только отчасти является кормильцем семьи и главным образом должен работать на своих сестер, и мальчики знают, что, когда вырастут, должны будут в свою очередь работать на своих сестер.

Брак ориентирован на отца: жена переходит в дом и общину мужа, если происходит из другой, как это обычно бывает. Дети, следовательно, растут в общине, официально им чуждой, не имея ни права на землю, ни законного права гордиться своей деревней; их дом, имущество, малая родина, родовая гордость относятся к другому месту. Это двоякое влияние порождает странные сочетания и путаницу.

С раннего возраста сыновья и дочери одной матери разделены в семье в соответствии со строгим табу, запрещающим любые близкие отношения между ними и, прежде всего, предписывающим им не иметь никаких общих дел, как-либо связанных с сексуальной сферой. Так, табу запрещает брату, во всем остальном пользующемуся властью над сестрой, пускать в ход эту власть, когда речь идет о ее браке. Следовательно, право давать или не давать согласие на брак остается за родителями, и отец – муж ее матери – наделен наибольшими полномочиями только в этом единственном случае.

Огромная разница между двумя типами семьи, составляющими предмет нашего анализа, начинает проявляться. Во главе семьи нашего типа стоит властный, авторитарный муж и отец, пользующийся поддержкой общества⁷. Также наше экономическое устройство отводит ему роль кормильца семьи, который может – по крайней мере, номинально – быть щедрым или скупым, на свое усмотрение. На Тробрианских островах, напротив, мать независима, а муж не имеет никакого отношения к зачатию детей, не является кормильцем семьи, не может оставить детям свое имущество и не имеет над ними власти в социальном смысле. Родственники же матери обладают большим влиянием, особенно ее брат – кормилец семьи, чье имущество сыновья наследует после его смерти. Таким образом, в этом отношении социальная жизнь и семья тробрианцев организованы совершенно иначе, чем в нашей культуре.

При том, что семейная жизнь матрилинейного общества представляет интерес для изучения, может показаться излишним останавливаться на нашей собственной семейной жизни, которую все мы так хорошо знаем и которая так часто обсуждается в новейшей психоаналитической литературе. Мы могли бы принять ее как нечто само собой разумеющееся. Но, во-первых, строгий компаративный подход требует четких представлений о сравниваемых объектах; а во-вторых, поскольку приводимые здесь матрилинейные данные получены с помощью специальных методов антропологической полевой работы, европейский материал должен быть представлен в том же виде – как если бы он был получен с помощью тех же методов научного

⁶ Описание необычного экономического устройства этих туземцев вы найдете в моей статье «Примитивная экономика» (*Primitive Economics* // *Economic Journal*. 1921) и книге «Аргонавты западной части Тихого океана», гл. II и VI (Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004). Правовое устройство исчерпывающе описано в моей книге «Преступление и обычай в обществе дикарей» (1926 г.) (Малиновский Б. Преступление и обычай в обществе дикарей // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004).

⁷ Я хотел бы отметить, что, хотя под «нашей собственной» цивилизацией я имею в виду европейское и американское общество в целом, прежде всего я говорю о «типичной» европейской семье, поскольку выводы психоанализа основаны на этом материале. Я не берусь сказать, существует ли среди высших социальных слоев западноевропейских или североамериканских городов тенденция к установлению материнского права, скорее схожего с правовыми идеями Меланезии, чем с римским и континентальным правом. Если тезис этой книги верен, некоторые современные явления в области секса («вечеринки с поцелуями» и т. п.), а также ослабление патриархальной системы должны принципиально изменить эмоциональные установки и отношения внутри семьи.

наблюдения и проанализирован с антропологической точки зрения. Как уже отмечалось, я не нашел ни в одном психоаналитическом труде прямого и последовательного описания социальной среды; еще меньше мне удалось обнаружить сведений о том, как нуклеарный комплекс и обуславливающие его причины варьируются в нашем обществе в зависимости от социальной группы. Однако очевидно, что детские конфликты в покоях обеспеченных буржуа и в крестьянской хижине или в однокомнатной «клетушке» бедного рабочего совершенно различны. Теперь, просто для того чтобы подтвердить истинность психоаналитической доктрины, было бы полезно рассмотреть низшие, грубые слои общества, где вещи называются своими именами, где ребенок находится в постоянном контакте с родителями, живет и ест в одной с ними комнате и спит в одной с ними постели, где никакой «заместитель родителя» не осложняет картину, хорошие манеры не умеряют животные инстинкты и где мелкие дразги и соперничество повседневной жизни выливаются в ожесточенную, хотя и затаенную вражду⁸.

Мы можем добавить, что изучение социальных и биологических оснований нуклеарного комплекса с целью дальнейшего применения этого понятия в фольклористике настоятельно требует учитывать крестьян и необразованные классы. Это объясняется тем, что народные традиции берут начало в обстоятельствах, скорее напоминающих жизненные условия современного крестьянина или бедного ремесленника Центральной и Восточной Европы, нежели жизненные условия раскормленных нервических жителей Вены, Лондона или Нью-Йорка.

Для ясности сравнения я разделю детство на этапы и каждый из них буду рассматривать отдельно, описывая и сравнивая их в обоих обществах. Для осмысления нуклеарного комплекса важно четко различать этапы семейной жизни, поскольку психоанализ – и это действительно одна из главных его заслуг – раскрыл ярусность человеческого сознания и показал его примерное соответствие этапам развития ребенка. Определенные периоды сексуальности, кризисы, сопутствующие регрессии и амнезии, когда некоторые воспоминания вытесняются в сферу бессознательного, – все это предполагает четкое разделение жизни ребенка на периоды⁹. Для нашей цели достаточно выделить четыре периода в развитии ребенка, определяемые биологическими и социальными факторами.

Младенчество – период, когда ребенок полностью зависим от матери, нуждается в грудном питании и защите, не может самостоятельно двигаться, не может сообщить свои мысли и желания. Мы будем исходить из того, что этот период длится от рождения до времени отнятия от груди. В диких племенах он продолжается около двух-трех лет. В цивилизованном обществе он намного короче – как правило, около года. Но для разделения детства на этапы лучше ориентироваться на естественные сроки. Ребенок в этом возрасте физиологически привязан к семье.

Раннее детство – возраст, в котором ребенок, неспособный пока еще существовать независимо от матери, тем не менее может двигаться, говорить и самостоятельно играть рядом с ней. Мы будем исходить из того, что этот период длится три или четыре года и, таким образом, завершается примерно в возрасте шести лет. На этот период жизни приходится первый

⁸ Мои личные познания о жизни, обычаях и психологии восточноевропейских крестьян подтверждают глубокую разницу между необразованными и образованными классами одного и того же общества в том, что касается психологических установок родителей по отношению к детям и детей – к родителям.

⁹ Хотя разделение на несколько отдельных этапов играет важнейшую роль во фрейдовском понимании детской сексуальности, в его наиболее обстоятельной работе на эту тему («Три очерка по теории сексуальности») последовательные этапы не представлены ни явным, ни неявным образом. Это несколько затрудняет чтение книги для неспециалиста в психоанализе и порождает определенные двусмысленности и противоречия, действительные и мнимые, которые автор настоящей книги пока не разрешил полностью. Прекрасное в остальном флюгелевское толкование положений психоанализа (*Flügel. The Psycho-Analytic Study...*) также грешит этим недостатком, что очень досадно в работе, которая ставит своей целью прояснение и систематизацию доктрины. Слово «ребенок» используется на протяжении книги то в значении «младенец», то в значении «подросток», и смысл, как правило, приходится понимать из контекста. Я надеюсь, что в этом отношении настоящий труд будет бесполезен.

постепенный разрыв семейных связей. Ребенок учится быть самостоятельным и независимым от семьи.

Детство – достижение относительной независимости, время бесцельных прогулок и игр с другими детьми. Это также время, когда во всех ответвлениях человечества и во всех социальных классах ребенок так или иначе принимается в полноправные члены общества. Некоторые дикие племена проводят подготовительные ритуалы инициации. Другие племена и наши крестьяне и рабочие, особенно в материковой Европе, начинают обучать ребенка принципам хозяйствования. В западноевропейском и американском обществах в этом возрасте дети отправляются в школу. Это период второго разрыва с семьей, и он длится вплоть до пубертатного периода, имеющего естественные временные границы.

Подростковый возраст – от физиологического созревания до полной социальной зрелости. В жизни многих диких племен этот период включает в себя основные обряды инициации; в других племенах в этот период на незамужних девушек и неженатых юношей начинают распространяться племенные закон и порядок. В современном цивилизованном обществе это время средней и старшей ступеней школы или завершающего периода профессионального обучения. Это время окончательного выхода из-под родительской опеки. В диких племенах и низших слоях нашего общества обычно он заканчивается браком и созданием новой семьи.

3. Первый этап семейной драмы

Полная зависимость детеныша от матери характерна для всех млекопитающих: от матери зависят питание, защита, тепло, чистота и физический комфорт ребенка. Этим потребностям соответствуют различные виды телесного взаимодействия матери и ребенка. Физиологически мать испытывает сильную инстинктивную привязанность к ребенку, а ребенок тянется к материнскому организму, нуждаясь в тепле ее тела, безопасности ее объятий и, прежде всего, в ее молоке и контакте с ее грудью. Сначала их связь определяется избирательным пылом матери – ей дорог только ее ребенок, а ребенка устроит грудь любой кормящей женщины. Но вскоре ребенок также начинает отличать мать, и его привязанность к ней приобретает индивидуальный, исключительный характер. Таким образом, при рождении между матерью и ребенком устанавливается пожизненная связь.

Эта связь основана на том биологическом факте, что в раннем возрасте млекопитающие не могут обходиться без посторонней помощи, и, следовательно, выживание вида зависит от одного из сильнейших инстинктов – инстинкта материнской любви. Но общество спешит вмешаться и добавить к мощному голосу природы свой поначалу шаткий закон. Во всех человеческих обществах, как диких, так и цивилизованных, обычаи, право и нравы, иногда даже религия признают связь между матерью и ребенком обычно уже в первые месяцы беременности. Мать, а иногда и отец должны соблюдать различные табу и ограничения либо проводить обряды, чтобы обеспечить благополучие новой жизни в лоне матери. Рождение ребенка – всегда значимое общественное событие, с которым связаны многие традиции и практики, часто религиозные. Таким образом, наиболее естественная и непосредственно биологическая связь – связь между матерью и ребенком – имеет как общественное, так и физиологическое измерение и не может быть описана без указания на влияние традиций и обычаев общества.

Попробуем кратко обобщить и охарактеризовать эти социальные содетерминанты материнства в нашем собственном обществе. Материнство – нравственный, религиозный и даже художественный идеал цивилизованного мира, беременная женщина защищена законом и обычаем и является объектом поклонения, сама же она в своем положении должна быть счастливой и гордой. Осуществимость этого идеала подтверждается историческими и этнографическими данными. Даже в современной Европе ортодоксальные польские евреи сохраняют это отношение, и для них беременная женщина – объект почитания. В христианских арийских обществах среди низших классов беременность воспринимается как обуза и помеха; среди состоятельных людей – как неудобство, затруднение и причина временного изгнания из обычной социальной жизни. Поскольку мы, таким образом, должны признать важность дородовой эмоциональной установки матери относительно будущего ребенка и поскольку подобная установка в значительной степени зависит от социальной среды и социальных ценностей, необходимо более тщательно изучить эту социологическую проблему.

Общество одобряет и подкрепляет биологические особенности и инстинктивные импульсы матери; многие социальные обычаи, идеалы, этические нормы направлены на то, чтобы мать была нянькой своему ребенку, и это в целом характерно как для низших, так и для высших классов почти всех народов Европы. Однако даже эти фундаментальные, биологически обусловленные отношения подвергаются значительным абберациям в определенных обществах вследствие установившихся обычаев и слабости врожденных импульсов. Так, во Франции среди средних слоев было принято отдавать ребенка кормилице на первый-второй годы жизни; не менее пагубным был обычай нанимать кормилицу или давать младенцу искусственную пищу для сохранения формы груди матери – когда-то он был широко распространен среди обеспеченных классов, но сейчас осуждается как противоестественный. Здесь вновь

нужно добавить социологические штрихи к картине материнства с учетом изменений, которые она претерпевает вследствие национальных, экономических и этических различий.

Рассмотрим теперь те же отношения в матрилинейном обществе побережья Тихого океана. Меланезийка неизменно выражает горячую любовь к своему ребенку, и окружающее общество поддерживает, поощряет и идеализирует ее чувства посредством традиций и обычаев. С первого месяца беременности женщина должна заботиться о благополучии будущего ребенка, соблюдая ряд пищевых табу и другие ограничения. Беременная женщина традиционно является объектом поклонения, идеалом, полностью претворенным в жизнь в поведении и чувствах туземцев. При первой беременности проводится сложная церемония, с несколько неясной целью, но подчеркивающая важность события и оказывающая почет беременной женщине.

После родов мать и ребенок уединяются примерно на месяц, мать постоянно занимается ребенком, нянчит его, и в хижину допускаются только определенные родственники женского пола. Усыновление ребенка в обычных обстоятельствах – крайне редкое явление, и даже в этом случае ребенка отдают только после того, как отлучили от груди; и ни при каких обстоятельствах его не могут усыновить посторонние люди, только ближайшие родственники. Ряд обрядов, таких как ритуальное омовение матери и ребенка, особые табу, соблюдаемые матерью, соединяют мать и дитя узами обычая в дополнение к естественным узам¹⁰.

Таким образом, в обоих обществах биологический инстинкт дополняется социальными установлениями обычая, этических норм и нравов, и все они работают в одном направлении, усиливая связь матери и ребенка, создавая условия для полной реализации радости материнства. Это согласие между социальными и биологическими факторами является залогом полного удовлетворения и высочайшего блаженства. Общество объединяется с природой, чтобы воспроизвести условия счастливого пребывания плода в утробе, нарушенные травмой рождения. Доктор Ранк в работе, которая уже признана значимой для развития психоанализа¹¹, показал, насколько важны для последующей жизни внутриутробное существование и память о нем. Что бы мы ни думали о «травме» рождения, первые месяцы жизни после рождения, бесспорно, повторяют благодаря действию как биологических, так и социологических факторов блаженное состояние ребенка, прерванное «травмой» отнятия от груди. Исключения можно найти только среди высших слоев цивилизованного общества.

Еще большие различия между патрилинейной и матрилинейной семьей в этот период обнаруживаются в вопросе отцовства. Достаточно неожиданно, что в примитивном обществе, которому неведома физическая связь отца с ребенком и где царит материнское право, отец должен поддерживать куда более близкие отношения с ребенком, чем это обычно бывает в нашем обществе. В нашем собственном обществе отец играет незначительную роль в жизни грудного ребенка. Согласно обычаям, традициям и нравам отец из обеспеченных слоев не допускается в детскую комнату, а крестьянин или рабочий вынужден оставлять ребенка и жену одних на большую часть суток. Его может возмущать, что ребенок требует к себе столько внимания и что забота о нем отнимает столько времени, но, как правило, он и не помогает, и не мешает управляться с маленьким ребенком.

Для меланезийцев, как мы знаем, «отцовство» – исключительно социальная связь. Отчасти она определяется его долгом перед детьми жены; он должен «принять их в свои объятия» – мы уже цитировали эту фразу; должен нести их, если в походе мать устала, и должен помо-

¹⁰ Важная форма табу, соблюдаемая матерью после рождения ребенка, – сексуальное воздержание. Прекрасное описание высоких нравственных взглядов туземцев в связи с этим обычаем можно найти в книге Дж. Питт-Риверса «Контакт рас и культурный конфликт» (*Pitt-Rivers G. The Contact of Races and Clash of Culture. 1927. Ch. VIII. Sec. 3*).

¹¹ «Травма рождения» (*Das Trauma der Geburt*, 1924). Излишне говорить, что выводы доктора Ранка в этой книге совершенно неприемлемы для автора данной работы, который не только не признает последних достижений психоанализа, но даже и не понимает их смысла.

гать ей заботиться о них дома. Он обслуживает, моет их, и в меланезийском языке существует множество стандартных выражений, описывающих тяготы отцовства и сыновнюю благодарность. Типичный отец на Тробрианских островах – трудолюбивая, добросовестная нянька, и в этом он следует чувству долга, отраженному в социальной традиции. Тем не менее отец всегда искренне интересуется своими детьми, иногда даже страстно, и исполняет все свои обязанности усердно и с любовью.

Итак, сравнивая патриархальное и матриархальное отношения к ребенку на этом первом этапе, мы видим, что главное отличие заключается в роли отца. В нашем обществе отец исключен из ситуации и в лучшем случае исполняет второстепенную роль. На Тробрианских островах он играет весьма активную роль, и это позволяет ему создать куда более прочную и нежную связь с детьми. В обоих обществах, за редкими исключениями, невелика вероятность возникновения конфликта между биологическими тенденциями и социальными условиями.

4. Отцовство при материнском праве

Мы переходим к тому периоду, когда ребенок уже отлучен от груди, учится ходить и начинает говорить. Однако биологически он медленно обретает независимость от тела матери. Он не меньше тянется к матери, для него не менее важны ее присутствие, прикосновение, нежные объятия.

Это естественное, биологическое желание, но в нашем обществе желания ребенка рано или поздно пресекаются. Прежде всего надо понимать, что период, о котором мы будем говорить, начинается с процесса отлучения от груди. С этого момента блаженная гармония младенческой жизни разрушается или, по меньшей мере, видоизменяется. Среди высших классов отлучение ребенка от груди подготавливается понемногу, осуществляется постепенно и обычно проходит безболезненно. Но среди низших классов в нашем обществе отлучение от груди – обычно тяжелое испытание для матери и, конечно, для ребенка. Позже другие силы начинают препятствовать близости матери и ребенка, с которым на этом этапе происходят разительные изменения. Он обретает независимость в движениях, может самостоятельно есть, выражать свои чувства и мысли, начинает понимать и наблюдать. В высших классах общества мать и ребенок разлучаются постепенно. Это не вызывает шока у ребенка, но оставляет в его жизни пустоту, тоску и неудовлетворенное желание. В низших классах, где ребенок спит в одной постели с родителями, в какой-то момент это начинает вызывать неудобства, ребенок становится помехой и страдает от более грубого обращения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.